

Марина
СЕРОВА

Эта проклятая
смена

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохраниитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Эта проклятая смена

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Эта проклятая смена / М. С. Серова — «Эксмо»,
2024 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-197543-2

Телохранитель Евгения Охотникова устраивается работать под прикрытием в детский лагерь «Лесной»: вожатой Марине Звягинцевой угрожает опасность. В лагере творится что-то ужасное. Еда в столовой оказывается отравленной, все перепуганы, дети утверждают, что видят привидений. Охотникова выслушивает легенду: лагерь построен на месте бывшего кладбища, и поэтому над ним висит проклятие, но здравый смысл помогает Жене взять ситуацию в свои руки и разобраться, что же на самом деле здесь происходит... Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197543-2

© Серова М. С., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Эта проклятая смена

© Серова М.С., 2024

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

Выходные – потрясающие дни, а отпуск – еще лучше. Так думает большинство людей, и, в принципе, я, телохранитель Евгения Охотникова, с ними полностью согласна. Была согласна – до настоящего времени. Работа у меня, конечно, интересная, но совсем не легкая – еще бы, ведь для того чтобы защищать очередного клиента, мне порой самой приходится подставляться под пули, не спать неделями и пускаться на все мыслимые и немыслимые ухищрения, дабы поймать преступника. Кто никогда не работал телохранителем, тот меня, конечно, не поймет. Но правда такова, что, будучи на задании, я порой выматываюсь так, что просто мечтаю о паре-тройке выходных. Более длительный отдых для меня вещь довольно абстрактная – обязательно находится человек, которому срочно требуется моя помощь, поэтому я берусь за очередной заказ, и в лучшем случае со времени предыдущего расследования пройдет дня два...

Однако в последние три недели у меня выдался настоящий отпуск. Неизвестно, по какой причине, но со времени последнего задания, которое я успешно выполнила, никто не обращался ко мне за профессиональной помощью, телефон молчал и не подавал абсолютно никаких признаков жизни.

Признаюсь, мне даже стало не по себе – неужто в Тарасове преступники перевелись и граждане стали жить мирно и спокойно, купаясь в любви и гармонии? Поверю во что угодно, только не в это, уж слишком нереально данное предположение.

Поначалу я радовалась – отдыхала в свое удовольствие, смотрела фильмы круглыми сутками да уплетала заботливо приготовленную тетей Милой еду. Тетушка у меня потрясающий кулинар – как говорится, талант от природы, готовит она много и с удовольствием, постоянно совершенствуя свои навыки и балуя меня новыми изысканными блюдами. Откармливала она меня точно на убой, и к концу второй недели такой сытой и спокойной жизни я начала опасаться, что скоро не влезу в свои джинсы, да и на профессиональных качествах подобное ожорство сказывается негативно.

Когда были пересмотрены уже все фильмы, вышедшие в прокат, а желудок протестовал, не выдерживая столь обильной еды, я начала выходить по утрам на десятикилометровую пробежку и посещать спортивный зал. Все-таки телохранителю необходимо постоянно тренироваться, вот я и избивала часами боксерские мешки, периодически находила себе партнера для спарринга да упражнялась в меткости стрельбы из огнестрельного оружия. Современная шуточная поговорка: «Если у тебя неприятности, качай задницу, неприятности закончатся, а задница останется», – оказалась весьма кстати.

Отдых лучше потратить с пользой – выходные рано или поздно завершатся, а вот навыки не растеряешь.

Сегодняшний день я, как и предыдущие, начала с легкой десятикилометровой пробежки. Для меня это расстояние смешное, но в качестве зарядки подойдет. На два часа я запланировала поход в спортзал, а до этого собиралась позавтракать и посмотреть какой-нибудь сериал.

Приняв душ, я зашла на кухню. Тетя Мила давно приготовила завтрак, вставала она зачастую раньше меня. Обычный мой подъем – в шесть утра, бегать я выхожу в семь после пары чашек горячего эспрессо. Правда, сегодня немного запоздала – залипла в очередной сериал, поэтому с завтраком припозднилась. Часы показывали половину десятого утра, но спешить мне все равно было некуда. День я могла планировать так, как душа пожелает – в этом плане незапланированный отпуск меня полностью устраивал. Хотя не буду кривить душой, а я уже соскучилась по работе. Мозг отчаянно требовал умственной работы, а фильмы и сериалы дать ее никак не могут. Никаких других увлечений, кроме просмотра кино, у меня не было, что вызывало недовольство у тети Милы. Почему-то она всегда считала, что просмотр сериалов – развлечение пустое, напрасная трата времени.

Тетушка настаивала на том, чтобы я занялась хоть чем-то полезным – посещением музеев, концертов, на худой конец – рукоделием.

Увы, искусство меня не интересует, к классической музыке я совершенно равнодушна, а вид иголки с ниткой или спиц для вязания вызывает у меня лишь отвращение. Зато я мастерски владею огнестрельным оружием, являюсь мастером единоборств и без труда осваиваю любой иностранный язык – по мне, неплохой набор. Жаль только, что тетушку не переубедишь...

Сегодня она выглядела какой-то взволнованной и недовольной. Я решила, что моя дорогая родственница опять начнет мне высказывать свое недовольство моим праздным образом жизни и отсутствием в ней духовной составляющей. Или – что того хуже – напомнит мне, что я до сих пор не замужем, никого на примете у меня по-прежнему нет, а «часики-то тикают».

О том, как тетя Мила неоднократно пыталась устроить мою личную жизнь, вообще отдельный разговор. Даже не буду перечислять, на какие только уловки тетушка не пускалась, дабы свести меня с каким-нибудь очередным неженатым сыном ее знакомой. Кавалеры оказывались один другого хуже – ума не приложу, почему тетя всерьез считала, что я буду счастлива с этими типами.

Однако когда я села за стол, тетя Мила проговорила:

– Женечка, ты ведь пока без работы сидишь, верно? Никто не позвонил?

– Нет, – покачала я головой, беря в руки вилку.

Воздушный омлет с овощами у тети Милы всегда получался просто божественный, лучшего завтрака придумать невозможно.

– Я тут тебя хотела попросить об одной услуге, – сказала моя родственница. – Ты ведь не откажешь, правда?

– Ну смотря о чем ты меня попросишь, – пожала я плечами. – Если выйти замуж – однозначно откажу.

– Нет, я не про это, – махнула рукой тетя Мила. – Я уже к тебе и не лезу с этим вопросом, у меня просто руки опускаются, ты все равно ничего не слушаешь... Нет, дело касается твоей работы. Одной моей знакомой, точнее, ее дочке, нужен телохранитель. Помнишь Зою Петровну?

– Зою Петровну? – Я наморщила лоб, перебирая в уме всех тетиных подружек и знакомых.

Тетя Мила – экстраверт, она обожает общаться, поэтому подруг у нее огромное количество, всех их и не упомнишь.

Я поняла, что никогда не догадаюсь, о какой Зое Петровне идет речь, и покачала головой.

– Нет, а кто это?

– Ой, Женя, какая же ты невнимательная! – воскликнула тетя Мила. – Зоя Петровна к нам приходила в гости, вы же с ней нашли общий язык, фильмы обсуждали! Зоя обожает кино, у вас с ней общее хобби, вспомнила?

– Эмм... – я замешкалась, пытаюсь отыскать в памяти случай, о котором сейчас говорила тетушка. – Допустим, а что, ей нужна моя помощь?

– Не ей, а ее дочке Мариночке, – пояснила тетя Мила. – Ты с Мариной не знакома, она к нам не приходила, только Зоя, ее мама. Мариночка – замечательная девушка, я с ней неоднократно общалась. Умная, в институте педагогическом учится на одни пятерки, с детьми ладит, подрабатывает в лагере вожатой...

– Ну я поняла, что Марина эта – прекрасная девушка, – прервала я тетю Милу, которая увлеклась рекламированием неизвестной мне девицы. Создавалось ощущение, что тетушка уже мне эту Марину сватает – обычно так расписывают достоинства девушки родители какого-нибудь парня, собравшиеся женить его. – Так что с ней случилось?

– Ой, я детали не знаю, – покачала головой тетя Мила. – Мне утром Марина звонила, она сейчас не в Тарасове, что-то я не поняла, где она... Говорит, там связь не ловит, но ей

нужна помощь, и, как мне показалось, дело серьезное. Она сказала, что ей что-то угрожает, да и вообще, не только ей... Она ведь знает, что у меня племянница – телохранитель, потому мне и позвонила, мать волновать не хочет. Можешь с ней поговорить, помочь ей? Я дала Марине твой номер телефона, она просила меня эсэмэс-сообщение ей сбросить. Я сказала, что ты на пробежке, можешь трубку не брать, но она едва ли не умоляла меня, чтобы ты с ней связалась. Боюсь, бедная девочка попала в беду...

– Хорошо, я позвоню этой Марине, – кивнула я. – Если ей действительно грозит опасность, я возьмусь за ее дело, сейчас я совершенно свободна...

– И еще, Женечка. – Тетя Мила колебалась. – Я знаю твои расценки, полностью с ними согласна – твой труд стоит этих денег, но... Марина ведь учится, ее зарплаты, боюсь, не хватит, чтобы оплатить твою работу... Но ведь с ней действительно может что-то страшное случиться! Может, ты ей скидку какую-нибудь сделаешь?

– Бесплатно я работаю в крайних случаях, – заметила я. – И берусь не за все дела – только за те, которые действительно требуют моего вмешательства. Поэтому прежде чем что-то обещать, мне надо поговорить с твоей Мариной и узнать, что у нее там стряслось. Давай номер – мне пока никто не звонил.

Обрадованная тетушка продиктовала мне номер мобильного своей знакомой, я занесла его в память смартфона.

Отложив в сторону вилку, набрала номер и стала ждать ответа. Однако услышала лишь длинные гудки – трубку никто не брал.

– Странно, не отвечает, – пожала плечами я. – Может, ей не так и нужна моя помощь?

– Возможно, связь там плохая, – предположила тетя Мила. – Попробуй написать ей эсэмэс, может, оно дойдет...

Я набрала короткий текст эсэмэски следующего содержания:

«Марина, это Евгения Охотникова, вы просили мой номер. Перезвоните мне», – после чего отправила Марине.

Однако то ли Марина не видела эсэмэс, то ли сообщение просто до нее не дошло, но обратной связи от девушки не было.

– А где она хоть находится, ты знаешь? – спросила я тетю Милу.

Та пожала плечами.

– Она сказала, что сейчас не в Тарасове, а где – я не поняла. Она говорила, что в каком-то лесу, но, похоже, я ослышалась. Что за лес, какой лес – не ясно. Там постоянно связь прерывалась, я и не разобралась... Она не ответила? Вдруг с ней что-то случилось?

– Не знаю, – покачала я головой, беря снова в руки вилку. – Подождем еще немного, если не ответит – надо будет узнавать у Зои Петровны, где может находиться ее дочь. Позвонишь ей?

– Да, конечно! – воскликнула тетя Мила. – Только Марина просила ничего ее маме не говорить, а то она волноваться будет...

– Так ты и не говори, просто спроси, где ее дочка, – проговорила я.

Тетушка ушла за мобильным, я же наконец-то приступила к своему завтраку. Омлет уже остывал на тарелке, а после пробежки аппетит у меня разыгрался.

Однако доесть омлет мне так и не удалось. Мой мобильный внезапно издал мелодичную трель – звонила Марина.

Я тут же взяла трубку.

– Евгения? – сквозь помехи донесся до меня женский голос. – Это Марина, мне очень нужна ваша помощь... Связь здесь отвратительная, вы меня слышите?

– Да, слышу, – отозвалась я. – Где вы находитесь? Назвать адрес можете? По телефону разговаривать – не вариант!

– Да-да, конечно... – Снова раздалась помехи, Марина пропала.

Спустя пару секунд я услышала:

– Вы сможете приехать?

– Повторите адрес!

– Это Тарасовская область, я буду ждать вас у лагеря «Лесной», только скажите, когда! – воскликнула Марина.

– А точные координаты сказать можете? – спросила я.

– Нет, я не знаю... Нас сюда на автобусе довели, тут недалеко речка течет, Медведица!

– Кроме лагеря, что-нибудь есть поблизости? Населенный пункт? – продолжала расспрашивать я.

– Не уверена... Я точно не знаю, но могу спросить у кого-нибудь... Но, по-моему, нет...

– Сколько времени вы ехали на автобусе?

– Где-то полтора часа...

– Ладно, я посмотрю, где точно находится ваш лагерь, и поеду, – пообещала я. – Думаю, что буду через полтора часа на месте. Где именно около лагеря вы будете меня ждать?

– За главным входом на территорию, – произнесла девушка. – Тут никто нас не увидит и не услышит, можно будет спокойно поговорить...

– Хорошо, скоро я выезжаю, – завершила я разговор. – В случае чего – звоните или пишите, телефон всегда со мной!

– Да, спасибо вам огромное! – воскликнула девушка.

Раздались длинные гудки – она положила трубку.

В Тарасовской области находилось два детских лагеря под названием «Лесной». Один из них находился в черте города, близ Андреевских прудов. Как оказалось, этот лагерь в настоящее время был заброшен, домики развалились и обветшали, и никто это место отдыха не реконструировал.

Другой лагерь «Лесной» располагался в девяноста километрах от Тарасова, построен он был недавно, а открылся в этом году. Судя по всему, именно около этого лагеря и должна была ждать меня Марина через полтора часа.

Я прикинула, что при отсутствии пробок смогу быть на условленном месте через час, а вот если мне не повезет и я попаду в затор, то рискую застрять на дороге на большее время. Поэтому я решила выезжать сразу же после разговора с Мариной.

Быстро одевшись, я взяла в дорогу сэндвичи, которые всучила мне тетя Мила с советами о том, что я не позавтракала, и побежала к своей машине.

Из города я выехала без пробок – несмотря на то что был будний день, заторы рассосались, время для поездки оказалось подходящим. Это в восемь утра не протолкнешься от машин, а в десять дороги относительно свободные, к тому же я ехала из центра, а не в центр. Поэтому я довольно быстро выехала на трассу и, прибавив скорость, помчалась по магистрали.

Лето радовало погожими деньками, начало июня выдалось погожим и не дождливым. В мае город буквально смывало ливнями, однако со второго июня природа перестала лить бесконечные слезы, и только оставшиеся кое-где лужи напоминали о весенних грозах. Радовало и отсутствие испепеляющей жары, мне не пришлось даже включать в машине кондиционер. Машин было немного, и я наслаждалась поездкой.

Через час я уже была у лагеря «Лесной». Находился он, как и говорила Марина, в лесу, вдали от населенных пунктов. Ближайший поселок располагался в тридцати километрах от лагеря, и, согласно моему навигатору, больше в окрестностях ничего не было.

Интересно, куда персонал лагеря ездит в случае необходимости, скажем, за продуктами или другими необходимыми вещами? Поселок, о котором я говорила, был совсем небольшим, пара магазинов и аптека. Скорее всего, закупаются в Тарасове, больше нигде, решила я про себя. Впрочем, пока это никакого значения для меня не имело – ясно лишь то, что лагерь «Лесной» весьма обособлен от цивилизации.

Я припарковала машину неподалеку от лагеря. За густыми кронами деревьев прятались крыши жилых корпусов, и создавалось ощущение, что дома здесь попросту потерялись в буйной растительности.

Никаких голосов я не слышала – странно, лагерь ведь детский, куда подевался народ? Я ожидала, что услышу детские возгласы, гвалт и шум, как это бывает в других подобных местах. Для тихого часа рано, может, дети находятся в жилых корпусах?

Ладно, дождусь Марину и в случае чего спрошу у нее, что это за странный лагерь такой...

Я околачивалась около пятнадцати минут возле ворот, когда совершенно с противоположной стороны ко мне подошла девушка лет двадцати трех – двадцати пяти, одетая в зеленую футболку и джинсы. Светлые волосы девушки были заплетены в светлую косу, из которой выбились непослушные пряди. Незнакомка была довольно миловидной, с приятными чертами лица и стройной фигурой.

Когда я обернулась, услышав шаги, девушка неуверенно кивнула и проговорила:

– Простите, вы – Евгения Охотникова? Или я ошиблась?

– Не ошиблись, – кивнула я. – А вы – Марина, дочь Зои Петровны Звягинцевой? – уточнила я, вспомнив фамилию подруги тети Милы.

– Да, все верно! – подтвердила Марина. – Как хорошо, что вы приехали! Я боялась, что вы не возьметесь за дело, вдруг у вас не будет времени... К тому же я не уверена, что вы мне поверите...

– Пока я ничего не могу вам сказать – я ведь не знаю, что у вас за проблемы, из-за которых вы решили обратиться ко мне за помощью. Чтобы что-то вам ответить, нужно, чтобы вы мне рассказали, что с вами произошло. Что-то ведь случилось, верно? Раз вы звонили моей тете, но почему-то побоялись говорить о ваших проблемах своей матери...

– Тут все очень сложно, – проговорила Марина. – Я попытаюсь рассказать вам, почему попросила вас приехать, только умоляю вас, не считайте меня сумасшедшей или повернутой на мистике девице! То, о чем я вам расскажу, на самом деле происходит! Нам всем очень страшно, и я не знаю, к кому, кроме вас, обратиться!

Она говорила сбивчиво, торопливо, постоянно теребя руками свою косу. Было видно, что Марина нервничает – она сетовала на то, что у нее очень мало времени, и в то же время ничего не говорила по существу, только уверяла меня в том, что она не сошла с ума.

Я оборвала ее бессвязную речь:

– Марина, я не сомневаюсь в том, что вы абсолютно нормальный, вменяемый человек. Поэтому давайте перейдем сразу к делу. Вам удобно здесь разговаривать?

– Давайте лучше уйдем от главного входа на территорию, – спохватилась девушка. – Вдруг кто услышит... Хотя тут есть вторая калитка – для персонала, я через нее вышла. На всякий случай – не хотела светиться лишний раз – Регину оставила, чтобы она смотрела за детьми. Боюсь, без меня она долго не протянет, но я не знаю даже, с чего начинать. Все так запутано...

– Вы работаете в лагере, верно? – задала я наводящий вопрос, когда мы с Мариной зашли глубже в лес и уселись на бревна.

Девушка кивнула.

– Да, я вожатая в лагере, у меня как раз первая смена в «Лесном». Я учусь в педагогическом институте, а летом всегда подрабатываю вожатой. Мне нравится эта работа, с детьми сложно, но интересно. Правда, сейчас мне достался очень большой отряд – целых тридцать пять человек, и все – разного возраста! Остальные отряды гораздо меньше, не знаю, почему мне так повезло... И напарница только одна – Регина Ивлиева, но мы с ней вдвоем плохо справляемся, а еще одного вожатого так и нет, хотя нам обещали! Представляете, дети в возрасте от двенадцати до семнадцати лет – это просто кошмар какой-то! Семнадцатилетний тут только один, но он хотя бы проблем не доставляет, тихий парень, который держится особняком. Зато

вот четырнадцати- и пятнадцатилетние девицы – это просто ужас! Они на всю голову ненормальные, что с ними делать – неизвестно, только и думают, что о макияже да о мальчиках! Понятно, что возраст такой, но нам с Региной от этого не легче. Адекватных девчонок нет, да и мальчишки тоже будь здоров. Какая-то банда, честное слово...

– Но вы же не хотите, чтобы я вас от детей охраняла, верно? – снова прервала ее я.
Марина кивнула.

– Простите, просто наболело, вот и высказываюсь... Устала я от этих помешанных детишек, поэтому вываливаю вам все это. Нет, дело не в детях, а в самом лагере. Понимаете, тут творится что-то... что-то странное! Просто чертовщина какая-то!

– Чертовщина? – переспросила я. – То есть?

– Понимаете, тут кто-то есть... Помимо персонала и детей. Я иногда вижу какие-то тени, слышу голоса, а по ночам – жуткий смех... Все это началось в первую же ночь моего пребывания здесь. Я приехала в лагерь утром, Регина – моя напарница – тоже. Мы ведь учимся с ней в педагогическом вместе, только на разных отделениях. Заезд детей был днем, вожатым распределили отряды. День был суматошный – куча народу, попытки навести дисциплину, мероприятия... К вечеру я чувствовала себя выжатой как лимон, но наша старшая вожатая Лена заставила нас всех готовить мероприятие на завтра. По вечерам мы должны проводить вместе с детьми какие-нибудь выступления, концерты или театральные постановки, и лучший отряд выигрывает. Вожатым надо придумать сценарий или просто тему мероприятия, утром она сообщается детям, и после обеда идет подготовка вместе с ними. Дурацкое правило, если честно – мои вот не хотят ни в чем участвовать, это интереснее для ребят младшего возраста. А в четырнадцать лет – какие концерты и театральные постановки, подростков от телефонов и планшетов не оттащишь, у них вся жизнь в гаджетах. А нам надо заставлять детей участвовать в этой ерунде, хочешь не хочешь, а приходится. Хотя ребятам деваться некуда – связь в лагере ужасная, интернет не ловит, но все равно, мероприятия для старших совсем не интересное дело... В общем, мы с Региной сломали все головы, что-то накосячили, пошли спать. От усталости у меня началась бессонница – такое со мной бывает, тело устало, а мозг никак не может отключиться. Хорошо, что я на такой случай взяла с собой успокоительные таблетки. Они несильные, биологически активная добавка, но на меня неплохо действуют. Я выпила таблетки, уснула. Но среди ночи проснулась – поднялась с кровати, но поняла, что нахожусь не в своей комнате, а где-то в другом месте. И от моей кровати тянется длинный коридор. Я пошла по коридору, но коридор оказался лабиринтом. Мне было страшно, все это происходило одновременно как во сне и как наяву. Я ускорила шаг, но лабиринт не заканчивался, я понимала, что, если не найду выход из него, то навсегда останусь в этом коридоре и буду бродить бесконечно... Я закричала, проснулась в холодном поту – теперь уже по-настоящему. Меня знобило, кажется, даже температура поднялась. Жутко хотелось пить. Я открыла свою сумку, вытащила бутылку воды, попила. Потом мне понадобилось в туалет. Я вышла из комнаты, пошла по коридору в уборную. А потом услышала это...

Марина замолчала, вздрогнула и едва ли не шепотом проговорила:

– Жуткий смех. Такой пробирающий до костей, дьявольский, зловещий... Меня словно парализовало, я не могла сдвинуться с места, казалось, что, если я шелохнусь, это нечто меня схватит и... сожрет... И оно меня заметило, понимаете? Я чувствовала, что оно меня видит, знает, что я здесь, и знает, что я никуда не смогу убежать... Я ощущала могильный холод, как будто это нечто было из другого мира, мира мертвых. Мне кажется, что я увидела какую-то тень. Я зажмурила глаза, убеждая себя в том, что все это мне снится, что я просто вижу кошмарный сон, и стоит мне открыть глаза, как и смех, и видения прекратятся. Я толком не помню, что было дальше – кроме того, что я вдруг побежала обратно, так быстро, как никогда раньше не бегала. Ворвалась к себе в комнату, заперла за собой дверь и залезла под одеяло. Меня трясло, я не могла успокоиться, заснуть в ту ночь мне так и не удалось. Так и лежала под

одеялом, с ужасом ждала, что вдруг замок откроется и ко мне зайдут... Но, видимо, запертая дверь их остановила, они остались за дверью.

– Вы рассказали кому-нибудь про то, что произошло с вами ночью? – поинтересовалась я. Марина отрицательно покачала головой.

– Нет, я пыталась убедить себя, что все это мне приснилось – я просто устала, вот мое подсознание и выдало мне ночной кошмар на фоне всех переживаний. Днем я чувствовала себя совершенно разбитой, мне хотелось спать, в глазах словно песок... Хорошо, что я взяла с собой черный кофе – пила его весь день, немного пришла в себя. Потом, к счастью, меня отвлекла суматоха с детьми, всевозможные мероприятия, постоянная беготня... Подготовка к вечернему концерту и прочие радости жизни. К концу дня я снова была уставшей, чувствовала себя словно выжатый лимон, надеялась, что мне удастся поспать. Провалилась в сон безо всяких таблеток, спала до самого утра как убитая. Я ведь тогда поверила, что мне и в самом деле все привиделось, что в первую ночь происходила адаптация к новым условиям, из-за этого и приснился кошмар. Увы, я вскоре поняла, что ошибалась.

– Снова увидели что-то? – спросила я.

Марина отрицательно покачала головой.

– Нет. Утром после завтрака ко мне подошла моя напарница Регина. Она выглядела ужасно – черные круги под глазами, осунувшееся лицо, бледная как смерть. Я спросила ее, не заболела ли она, а Регина сказала, что ей надо со мной поговорить. Мы вышли из столовой, сели в беседку. Регина спросила меня, не замечала ли я в лагере чего-нибудь странного. Я сказала, что нет – не хотела ей признаваться, что у меня, похоже, с психикой не все в порядке, раз такое накануне привиделось. А Регина вдруг заявила, что в лагере происходит что-то жуткое. Оказывается, она ночью тоже слышала чьи-то голоса и жуткий смех! И еще – шаги, как будто кто-то бродит по коридорам. Регина сказала, что ей страшно здесь оставаться, но ей нужны деньги, поэтому она согласилась на эту работу. Она еще говорила, что боится кому-нибудь признаться в том, что видела и слышала, потому что не хочет, чтоб ее посчитали сумасшедшей и уволили. Я тогда рассказала ей, что в первую ночь видела и слышала нечто подобное, но посчитала все это последствием усталости. Я, как могла, успокоила Регину, мы решили пока ничего никому не рассказывать, а посмотреть, повторятся ли наши кошмары и ночные звуки. Если б мы только знали, что это всего лишь цветочки, начало жутких событий!

– То есть что-то еще случилось? – уточнила я.

Марина кивнула.

– Да. Ужасы на этом не закончились – неприятности стали происходить с детьми из нашего отряда. Сперва отравилась Даша Полякова, тринадцатилетняя девочка, у которой не пойми от чего началась рвота. Бедняжку отвели в медпункт, ей сделали промывание желудка, но у нее поднялась температура, пришлось позвонить ее родителям и отправить девочку домой. Она и сама не хотела здесь оставаться – говорила, что ей тут не нравится, и упростила маму забрать ее. Причем другие дети чувствовали себя хорошо, Даша ела то же самое, что и остальные ребята, и чем она отравилась – неизвестно. Мне показалось это странным, но потом мы с Региной пришли к выводу, что девочка, скорее всего, взяла в лагерь какие-нибудь сладости или вредную еду из дома, тайком ела ее и в результате получила отравление. Знаете ведь, дети любят всякую гадость есть вроде чипсов или чего подобного, а здесь еда правильная, здоровая. Вот и не все могут привыкнуть к такому питанию, ходят голодные, а потом наедаются припасами из дома... Даша, правда, ни с кем не подружилась, поэтому расспрашивать было некого – ее соседки по комнате с ней не общались, и, скорее всего, девочка ела что-то тайком от всех. Ведь если бы она отравилась едой из столовой, плохо было бы не только ей, но и другим детям. Или у Даши была аллергия на что-то, но она об этом не сказала – неизвестно. В общем, очень непонятная и странная история...

– Как я понимаю, это не единственное, что случилось во время вашей работы с детьми? – предположила я.

Марина продолжала:

– Да. Самое страшное произошло вчера. Утром дети вместе с вожатыми из других отрядов – Егором и Лешей – пошли в поход в лес. Ходили не все ребята, некоторые остались; из нашего отряда пошли только Саша Чураков, Оля Богачева, Аня Жажкова, Кирилл Фомин и Арсений Иванов. Остальные не захотели идти – девочки, само собой, занимались всякими своими делами вроде наведения марафета и плетения кос, в последнее время какое-то поветрие на эти косы... А мальчишки с гаджетами по комнатам сидели и не хотели ничего делать. Из других отрядов тоже ребята пошли, там больше народу – детям гораздо интереснее участвовать в походах, отряд Егора и Леша в полном составе пошел. Егор и Леша сами продумали маршрут, они составили его так, чтобы вернуться к обеду, потому что детей нельзя оставлять без горячего. Мы с Региной следили за нашими лоботрясами, развлекали их да наводили дисциплину. Время было около двух, мы все пошли в столовую, удивлялись, почему нет детей и вожатых, которые в поход ушли. А потом вернулся Егор – он привел ребят, Леша вместе с ними не было. Дети были взволнованы, Егор тоже нервничал. Регина спросила его, что случилось – они вроде общались... Выяснилось, что во время похода пропал мальчик – Кирилл Фомин, из нашего с Региной отряда. Егор рассказал, что они прошли маршрут, уложились быстро и решили поэтому сделать привал на конечной точке. Мальчишки стали разведывать местность, а Егор с Лешей показывали девчонкам, как правильно разводить костер. Вскоре мальчишки вернулись на место стоянки, им было интересно послушать про костер. Егор с Лешей даже разожгли его – в качестве демонстрации, естественно, они следили за тем, чтоб не устроить в лесу пожар. Дети с восторгом подкладывали в костер палки и дрова, потом вожатые сказали, что пора возвращаться. Костер затушили, Леша с Егором пересчитали ребят и поняли, что одного человека не хватает. Кирилл Фомин не вернулся на стоянку, а вожатые не заметили, что кого-то нет. Конечно, им надо было внимательнее следить за детьми – все-таки такая ответственность, я бы точно ни в какой поход ребят не повела! Это ж страшно – лес, куча детей, которые разбегаются кто куда, мало ли что может случиться! К тому же здесь и клещи есть, и змеи ядовитые, тут глаз да глаз нужен! Но Егор и Леша – ребята самоуверенные и не такие паникеры, как мы с Региной. Они стали расспрашивать мальчишек, куда те ходили, потом Леша остался с детьми, а Егор отправился искать Кирилла. Но мальчика нигде не было – он словно сквозь землю провалился! Егор звонил Кириллу на мобильный, но абонент находился вне зоны действия сети, связь тут везде плохая. Было решено, что Егор возвращается с детьми в лагерь, а Леша будет искать Кирилла. Хорошо, что оба парня ориентируются в лесу, а то их самих бы пришлось искать... Но Леша вернулся в три часа дня, Кирилла он так и не нашел. Дети говорили всякое – что в лесу призраки обитают, что Кирилла сожрали вурдалаки, и прочую ахинею несли. Всем было страшно. Старшая вожатая решила продолжать поиски, Леша, Егор и еще двое мужчин – из персонала – вызвались идти в лес. Мы с Региной приглядывали за детьми, вожатые из третьего отряда, самого младшего – Ксюша и Кристина – смотрели еще и за ребятами Егора и Леша. Хорошо, что у Ксюши и Кристины было всего пятнадцать детей, они могли хотя бы распределить обязанности. Нам с Региной пришлось остаться, несмотря на то что пропал мальчик из нашего отряда, все равно толку от нас в лесу никакого. Парней не было до самого вечера, мы все ждали их, ни о каких мероприятиях и речи не шло. Я слышала, что старшая вожатая говорила, если Кирилла не найдут, придется вызывать спасателей, но это крайняя мера, все-таки репутация лагеря сильно пострадает, и Егору с Лешей точно придется туго. Ведь они виноваты в том, что мальчик потерялся! Ни на ком другом ответственность не лежит, и им придется отвечать, тут даже до уголовного наказания дело могло дойти! Мы с Региной тоже места себе не находили, было очень страшно. Вдруг с Кириллом случилось

что-то ужасное? Мало ли в какую переделку он мог попасть, и если его не найдут, то ночью парнишке придется торчать в лесу. А там неизвестно, выживет ли он вообще...

Марина посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, точно ожидая моей реакции на свои слова.

Я спросила девушку, чем все закончилось, и Марина проговорила:

– Вечером они вернулись. Вместе с Кириллом. Но мальчик был очень напуган, он, по моему, не понимал, что происходит. Таращился на всех, как безумный, на расспросы не отвечал, и что с ним приключилось, остается загадкой. Его сразу в медпункт отвели, медсестра осмотрела ребенка, но, кроме царапин на руках, никаких травм у него не было. Скорее всего, он поранился о колючки и ветки, когда искал дорогу назад. Медсестра дала мальчику успокоительное, чтобы тот немного пришел в себя, стала его расспрашивать, что он видел и кто его так напугал. Кирилл с ней только заговорил. Медсестра нам потом сказала, что Кирилл ничего не помнит, был словно в забытьи, и где ходил – из памяти стерлось. Вроде он помнит привал, потом вроде он и другие мальчишки пошли смотреть окрестности, а дальше он ничего не помнит. Пришел в себя лишь вечером, когда услышал, что его зовут. Было уже темно, вокруг деревьев одни, Кириллу стало страшно. Он боялся и деревьев, и темноты, и чего-то необъяснимого, что присутствует в лесу. Чего боялся мальчик – неизвестно, медсестра так и не узнала, напугал ли его кто или нет. Кирилл крикнул в ответ, позвал на помощь, потом пошел на зов и увидел людей с фонариками, которые его искали. У мальчика закружилась голова, он упал в обморок, его привели в чувство, но говорить он боялся. Так молча и дошел до лагеря, ничего никому не говоря. Только здесь, в медицинском кабинете, Кирилл отважился рассказать, что с ним было. Он сказал, что в лесу его могли слышать... Но кто или что – неизвестно. Даже медсестре стало страшно от его слов, как будто тут и в самом деле творится что-то сверхъестественное. Я с ней потом говорила, она сказала, что все это ей очень не нравится и что лагерь зря открыли – не надо было тут его делать, дурное это место. И что слухи не зря ходят, мол, теперь она в это верит. Я пыталась расспросить ее, о чем она говорит, но женщина велела мне в корпус возвращаться. Мы с Региной обсудили происшедшее с Кириллом, пытались зайти в интернет, чтобы посмотреть про лагерь. Надо было это раньше сделать, но разве мы могли представить, что тут такое начнет происходить! Да и не думала я, что здесь что-то нечисто... Мы кое-как отыскали место, где связь худо-бедно ловила, стали искать информацию о лагере. Оказалось, что в начале двадцатого века на месте лагеря было кладбище, которое со временем оказалось заброшенным. Недавно какой-то начинающий предприниматель вздумал устроить в лесу детский лагерь – мол, место здесь живописное, воздух чистый, населенные пункты далеко. Он сперва вообще о санатории думал – чтобы люди приезжали сюда лечиться, однако для санатория требуются очень большие вложения, и мужик этот был не уверен, что затраты окупятся. Это мы вдвоем с Региной додумали из того, что прочитали в интернете. Так вот, бизнесмен этот внес солидную сумму денег, нанял персонал и решил, что со временем проект станет приносить неплохие деньги. Он даже пригласил в лагерь журналиста, чтобы тот написал о лагере хвалебную статью – ну для рекламы. Сайт лагеря запустил, где расписывал и так и сяк это чудесное место для отдыха. Мы хотели посмотреть сайт, но загрузилась часть его, и то ничего интересного там не было. Сплошная реклама, и только... Но, как оказалось, и сайт, и хвалебные статьи принесли неплохой результат. Как только лагерь открылся, родители поспешили записать своих детей на летнюю смену. Даже удаленность лагеря от населенных пунктов никого не смутила, а о том, что раньше тут было кладбище, на сайте, само собой, не говорилось. Надо было смотреть о самом месте, где расположен «Лесной», а родители этого делать не стали – какая разница, главное, чтобы дети были довольны да кто-то за ними присматривал, а уж что раньше было на месте лагеря – дело десятое. Я бы тоже так подумала – до того, как стала здесь работать. А сейчас я уже не знаю, чему верить, а чему – нет. Я человек прагматичный, мистикой никогда не увлекалась, но то, что тут творится, заставляет думать что угодно... Кирилла

родители домой забрали, и вообще, многие дети тоже стали проситься в город. Никому не хочется тут оставаться, ребята боятся – даже те, кто виду не подает. По лагерю ходят слухи, что здесь нельзя находиться, место плохое и проклятое. Я бы ушла отсюда, но, честно говоря, нельзя Регинку одну бросать, без меня она точно не справится. Ей увольняться тоже не вариант – деньги нужны, а если я уволюсь, то поставлю жирный крест на своей репутации. Даже если по болезни вожатый увольняется, его не больно берут на работу в лагерь – никому не хочется связываться с ненадежным человеком, который посреди смены может уехать. Но работать мне страшно, я уже не знаю, что произойдет завтра... Исчезновение человека – уже повод начать беспокоиться, на месте директора лагеря я бы задумалась о том, стоит ли продолжать работу. Но он – знакомый того бизнесмена, который построил лагерь, и, боюсь, слушать никого не станет. Поэтому ситуация патовая...

– В мистику, магию и прочую потустороннюю чушь я не верю, – заявила я. – Согласна, судя по вашим словам, в лагере и в самом деле творится что-то странное. Но я склоняюсь к мысли, что в этом виноваты не призраки, а вполне реальные люди из плоти и крови, которые по какой-то причине устраивают здесь... гм, беспорядки. Вопрос только в том, как они это делают и зачем... вспомните хорошо, что еще вам показалось странным, помимо того, о чем вы мне рассказали? Может, какие-то случайности, которые вас насторожили, поведение персонала?

– Много чего странного, – пожалала плечами девушка. – Про детей я вообще молчу – уже говорила, что они не совсем послушные, мальчишки вовсю курить бегают, и, по-моему, некоторые девчонки из моего отряда – тоже. Но это не странность, а вполне ожидаемое поведение от детей, которые вырвались на свободу из-под родительской опеки – творят что хотят. Еще могу сказать, что некоторые дети ведут себя как-то... агрессивно, что ли. Огрызаются на слова, ругаются даже на меня, хотя я пресекаю хамское поведение на корню. Признаюсь, такой сложной смены у меня еще не было, я не в первый раз работаю вожатой. Но до этого все было гораздо проще, а здесь словно с катушек все съехали. Иногда я не понимаю, как вести себя... Просто не нахожу слов.

– А конкретнее можете сказать, как именно выражается агрессия детей? – спросила я.

– Ну, они ругаются, причем ожесточенно, – проговорила Марина. – Потом недавно я была свидетельницей драки между мальчишками: что они не поделили – до сих пор непонятно. Но если бы я не вмешалась, ситуация оказалась бы плачевной, думаю, дошло бы до травм. И то разнимать ребят помогали Егор и Леша, самой мне бы туго пришлось. И вроде ведь драка между друзьями произошла – еще накануне ребята хорошо общались друг с другом, а на следующий день как с цепи сорвались. Я пригрозила, что пожалуюсь на их поведение директору лагеря и всех их отправят по домам, к тому же Регина мне помогла – она умеет быть строгой, когда нужно, вот все и обошлось. Потом зачинщик драки, Никита Колымов, подходил ко мне и извинялся, говорил, что не знает, что на него нашло. Парень-то хороший, занимается айкидо, уравновешенный, молчаливый, мне даже казалось, что он какой-то безэмоциональный. Его трудно вывести из себя, а тут – просто ужас какой-то! Орал матом, кулаки распускал, если бы мы с Региной не вмешались, то насмерть бы забил своего приятеля Славу Земцова. Я спросила Никиту, почему он напал на Славу, а Колымов толком не смог мне объяснить причину своего гнева. Потом буркнул, что это их со Славой личное дело, больше такого не повторится, и он сожалеет о случившемся. Но по виду Никиты у меня сложилось впечатление, что он сам толком не помнит, что произошло...

– Интересно получается, – задумчиво проговорила я. – То ребенок пропадает в лесу и не помнит, что с ним случилось, то мальчишки дерутся из-за непонятной причины и тоже не могут толком сказать, что произошло...

– Знаете, мне кажется, что это место и в самом деле дурное, – заявила Марина. – Я забыла сказать, но Регина нашла информацию, согласно которой в почве какие-то металлы, которые могут вызывать аномальные вещи, в том числе они влияют на поведение людей. Регина уверяла

меня, что такое может быть, и в таких местах нельзя ни школы строить, ни санатории, ни тем более – детские лагеря. И что все про это должны знать, а почему другого места для лагеря не нашли – неизвестно. Но если с поведением детей все понятно, то по поводу смеха и голосов остается загадкой. Регина ведь тоже слышала странные звуки, не может быть, чтобы нам обоим мерещилось одно и то же!

– Да, все это весьма необычно, – согласилась я. – Но в любом случае, чтобы во всем разобраться, мне нужно какое-то время побыть в лагере. К тому же, если вам угрожает опасность, я должна постоянно находиться рядом с вами, чтобы в случае чего оперативно среагировать.

– Я была бы очень рада, если б вы... приглядывали за мной, Региной и моим отрядом! – воскликнула Марина. – Вот сейчас я оставила детей, а сама переживаю – вдруг еще что-то случится? Правда, денег у меня немного, зарплата в лагере копеечная, но, если понадобится, я могу занять у кого-нибудь! Отдам хоть и не сразу, по частям, но отдам, честно! Мне очень страшно, и я не знаю, кого просить о помощи...

– Марина, успокойтесь, я прекрасно понимаю вашу ситуацию, – проговорила я. – Мои услуги стоят недешево, это вы знаете. Но если дело действительно мне интересно, я могу помочь клиенту бесплатно или за ничтожно низкую сумму. Ваша история показалась мне весьма необычной, и мне кажется, в одиночку вы не справитесь. Даже если у вас финансовые трудности, это не проблема. Я сделаю все, что возможно и невозможно, дабы распутать эти загадки.

– Женя, огромное вам спасибо! – воскликнула девушка. – Правда... правда, я не знаю, как провести вас на территорию лагеря, там ведь только персонал, дети и люди, которых приглашает директор... Хотя постойте, кажется, я придумала! Нам ведь в отряд нужен третий вожатый – мы уже говорили об этом старшей вожатой, а она обещала побеседовать с директором, чтобы тот принял меры! Но директор, видимо, не особо хочет искать еще одного работника, ему кажется, что мы с Региной вдвоем справляемся. Но можно попытаться и устроить вас на должность вожатой!

– Гм... если ваш директор не станет возражать, то почему бы и нет, – задумчиво проговорила я, рассматривая про себя все возможные варианты проникновения на территорию лагеря. Конечно, я могу следить за корпусами инкогнито, но оставаться все время незамеченной гораздо труднее, чем выдавать себя за вожатую и узнавать все, что мне требуется для расследования. – Как зовут вашего директора? Наверняка у него есть электронная почта, я могу связаться с ним через нее либо позвонить, что, в принципе, будет проще...

– Директора зовут Станислав Николаевич Рекушев, – сказала Марина. – Номер телефона его у меня есть, сейчас я вам его продиктую...

Марина дала мне номер мобильного директора лагеря и адрес его электронной почты, я записала координаты.

– Позвоню вашему директору и договорюсь с ним, – сказала я. – Если все получится, то «выйду на работу» сразу же. Скажите, какие документы с вас требовали при оформлении?

– Я же учусь в педагогическом, поэтому я предоставляла только паспорт и студенческий, – пояснила Марина. – Студентов нашего учебного заведения охотно берут на работу в детские лагеря, все-таки мы будущие специалисты, учителя. Но я думаю, у вас, помимо паспорта, потребуют диплом о высшем или среднем педагогическом образовании. Ой, тут ведь проблема, вы же не учитель... Но без документов вряд ли вас возьмут на работу...

– Документы – это ерунда, – заверила я девушку. – Главная проблема в другом – согласится ли Станислав Николаевич взять на работу еще одну вожатую, платить ему ведь придется из бюджета лагеря. А учитывая, что некоторые дети уехали домой, ситуация у директора не слишком радостная.

– Я скажу, что вы – моя знакомая и что мы с Региной совсем не справляемся! – заявила Марина. – Сегодня же припру к стенке старшую вожатую – пускай делает хоть что-нибудь! И

прибавлю, что у меня есть человек на примете, который согласится работать за жалкие гроши в богом забытом месте!

– Весьма оптимистично, – хмыкнула я. – Не слишком у вас веселая работа.

– Да, платят нам копейки, как студентке мне хватает, но, естественно, когда я получу диплом, то либо буду искать лагерь подороже, либо вообще не буду летом подрабатывать. Устроюсь либо в лицей какой-нибудь, либо в университет, все-таки у меня высшее образование будет. Вожатая в лагере – это всего лишь подработка да бесплатное питание в столовой, кормят здесь вкусно, вам, надеюсь, понравится.

– Что ж, ради вкусной еды стоит устроиться на работу вожатой, – усмехнулась я. – Ладно, поговорю с вашим директором, надеюсь, проблем у меня с трудоустройством не возникнет. На худой конец, буду думать что-то еще.

– Спасибо вам, что согласились помочь мне! – воскликнула Марина. – Если вы не будете возражать, я побегу – вдруг там у Регины дела неважно идут, она же одна, а детей – целый отряд... И так слишком долго она одна...

– Хорошо, я вас больше не задерживаю, – кивнула я. – Если что – пишите или звоните, телефон всегда со мной. Понимаю, связь тут плохая, но все же...

– Да, в случае чего я постараюсь до вас дозвониться, – сказала девушка.

Мы попрощались, она пошла к запасной калитке для персонала, я последовала за ней – посмотрела, где располагается эта самая калитка. Информация весьма полезная для меня – видимо, в ближайшее время мне придется проникнуть на территорию лагеря...

Глава 2

Чтобы пообщаться со Станиславом Николаевичем Рекушевым, мне пришлось отъехать на значительное расстояние от лагеря – связь ловила только возле дороги. Решила сразу позвонить ему – неизвестно, как часто Рекушев проверяет свою электронную почту, вполне вероятно, что у него просто нет возможности выходить в интернет, раз звонки и те доходят до «Лесного» с трудом.

Честно говоря, я не представляла, как разговаривать с директором лагеря в условиях постоянно прерывающегося сигнала – видимо, придется действовать спонтанно, заявиться в лагерь без всяких предупреждений и заявить, что собираюсь устраиваться на работу вожатой. Идея, конечно, не из лучших, но, на худой конец, сгодится...

Я все же набрала номер Рекушева, через несколько секунд трубку взяли. Как ни странно, помех я не услышала – видимо, у директора лагеря связь работала превосходно. Надо узнать, какой у него оператор, что позволяет спокойно пользоваться мобильным телефоном...

– Здравствуйте, я разговариваю со Станиславом Николаевичем Рекушевым? – уточнила я.

– Да, слушаю вас, – судя по голосу, директору лагеря было около сорока пяти – пятидесяти лет.

– Прошу прощения за беспокойство, меня зовут Евгения Охотникова, – представилась я. – Я – знакомая Марины Звягинцевой, она у вас вожатой работает. Помните такую?

– Естественно, – заявил Рекушев. – Я помню фамилии и имена всех вожатых лагеря.

– Замечательно! – я улыбнулась, зная, что улыбка – пусть даже и на другом конце провода – способна придать голосу дружелюбную интонацию, чтобы расположить собеседника. – Марина говорила, что в ее отряде требуется еще один вожатый, они с напарницей не справляются. У меня есть высшее педагогическое образование, к тому же я окончила факультет журналистики, хотела бы поработать у вас вожатой. Кстати, я слышала, что лагерь открылся недавно, наверняка вы не стали бы возражать против статьи, в которой я описала бы достоинства лагеря...

– Предложение, конечно, заманчивое, – задумчиво проговорил директор. – Но дело в том, что вожатые в каждом отряде у нас уже есть, бюджет уже рассчитан, нанимать еще одного человека в мои планы не входило...

– Я вас понимаю, но Марина Звягинцева очень просила вас через старшую вожатую нанять еще одного человека... К тому же за статью о лагере я с вас денег не возьму – это будет входить в стоимость оплаты труда вожатой.

Я очень надеялась на то, что директор не станет упорствовать и жадничать. Судя по словам Марины, положение в лагере сейчас не очень радостное – дети уезжают в Тарасов, родители, по всей видимости, недовольны. Хвалебные рецензии «Лесному» позарез нужны, иначе проект окажется провальным.

К счастью, я не ошиблась. Станислав Николаевич не стал долго раздумывать и ломаться.

– Статья – вещь полезная, – заметил Рекушев. – А когда вы собираетесь ее написать?

– Да как только приступлю к работе, – заявила я. – Тут же начну собирать материал, пишу я быстро. Но мне надо самой поработать какое-то время с детьми, узнать, чем они занимаются, какие в лагере условия, как организован досуг отдыхающих... Просто так придумать я ничего не стану!

– Ладно, думаю, мы с вами сработаемся, – сдался Станислав Николаевич. – Вам удобно подъехать в лагерь «Лесной» завтра к девяти часам утра? Оформим вас, и займетесь своими прямыми обязанностями. Возьмите с собой документы – паспорт, ИНН, СНИЛС, диплом о

высшем образовании – можно ксерокопию, трудовую книжку и справку об отсутствии судимости.

– Отлично! – воскликнула я. – Чем раньше приступлю к работе, тем лучше! Быстрее со статьей разберусь...

– Сегодня, увы, встретиться с вами у меня не получится – у меня дела в Тарасове, свободного времени не будет. Но завтра я буду в лагере «Лесной», в первом корпусе – он административный. Адрес лагеря знаете?

– Вроде да...

– Отправьте мне эсэмэской адрес вашей электронной почты, я пришлю вам список необходимых вещей, которые нужно взять с собой на смену, – продолжал Рекушев. – В Тарасов съездить до окончания смены у вас не получится, поэтому ответственно отнеситесь к сборам. Еще один момент: рейсовые автобусы к территории лагеря не приезжают, мы детей и персонал отвозим на своем транспорте, от остановки автобуса на дороге придется идти минут сорок, а то и больше. Поэтому к нам возможно добраться либо на своей машине, либо на такси.

– Я воспользуюсь своим автомобилем, – проговорила я.

– Замечательно, тогда я вам на почту вышлю карту, как до нас доехать. Навигатор ведь в машине есть?

– Естественно.

– Хорошо, где-то через час я свяжусь с вами по электронной почте. Отправляйте адрес.

И, не попрощавшись, директор повесил трубку. Я отправила ему эсэмэс-сообщение с указанием своей электронной почты, а потом набрала номер своего давнего знакомого из полиции. Костя, мой приятель, не раз выручал меня, когда срочно требовались поддельные документы для расследования.

Я попросила друга помочь мне и на этот раз. Костя сообщил, что диплом о высшем педагогическом образовании и удостоверение журналиста будут готовы уже сегодня, к восьми часам вечера я смогу подъехать за ними. Я поблагодарила приятеля и пообещала быть в назначенное мне время.

День только начинался, до вечера ждать было долго. Я стала раздумывать над дальнейшим планом действий. В принципе, можно не возвращаться в город, а осмотреть территорию лагеря более внимательно и понаблюдать за детьми и вожатыми. Но, подумав, я решила ехать в Тарасов. Если меня завтра возьмут на работу, возможности смотаться в город у меня может и не быть, а надо поговорить с пострадавшими детьми – с Кириллом Фоминым и Дашей Поляковой, они ведь уехали домой, в лагерь явно больше не вернуться.

Поэтому я открыла на своем телефоне базу данных, которая позволяла найти информацию о любом жителе Тарасова и области. Правда, сведения были сугубо биографического характера – где человек родился, кто его родители, адрес фактического проживания, возраст, место официальной работы, оконченные учебные заведения. Словом, в базе данных имелась лишь документированная информация о людях, никаких сведений касательно неофициального места работы, гражданского брака и прочих вещей. Даже мобильного телефона интересующего меня человека оттуда узнать невозможно по той простой причине, что сим-карту легко поменять, некоторые люди меняют номера мобильных несколько раз в год. Но я надеялась, что смогу узнать, где проживают Кирилл Фомин и Даша Полякова.

Первым я стала разыскивать пропавшего мальчика. Его случай показался мне более интересным, нежели банальное отравление Поляковой. Хотя банальное ли? Может, эти происшествия связаны между собой? Да я почти уверена, что связаны и – более того – имеют логическое объяснение.

Быть может, кто-то заманил Кирилла в лес? Кто-то из товарищей решил пошутить, например. Только что было потом? Как злоумышленник лишил Кирилла памяти – по словам Марины, Фомин ничего не помнил и очнулся лишь вечером. Или мальчишка лгал медсестре?

Куча вопросов, на которые у меня пока не было ответов. Поэтому я надеялась, что разговор с Кириллом поможет мне разобраться в ситуации, уж я-то смогу уговорить парня выложить все, что он знает.

В Тарасове проживало тридцать восемь Кириллов Фоминых, однако по возрасту подошел только один человек, тринадцатилетний мальчик, проживающий с родителями. Марина говорила, что в ее отряде дети от двенадцати до семнадцати лет, а в этот промежуток подходил лишь тринадцатилетний Кирилл, остальные тезки в данную категорию не вписывались.

Я просмотрела информацию о мальчике. Учился он в школе номер двадцать один Кировского района города Тарасова, окончил седьмой класс. С пятого класса Кирилл ходил в музыкальную школу, учился по классу фортепиано. Никаких других увлечений у мальчика не было. Что касается родителей Кирилла, отец – Николай Сергеевич Фомин – работал поваром в ресторане «Астория», мать – Наталия Васильевна Фомина, в девичестве – Сухарева – была учительницей в музыкальной школе, куда ходил Кирилл. Братьев и сестер у мальчика не было, других родственников – тоже. Судя по всему, Фомины вели тихую добропорядочную жизнь.

Адрес проживания Фоминых я выписала себе на бумажку. Кировский район, улица Зарубова, дом сто пятьдесят, квартира сорок.

Я надеялась, что застану Кирилла дома – где еще ему быть? Может, конечно, с друзьями гуляет, сейчас ведь лето, нет ни школы, ни уроков. А может, сидит у себя в комнате за компьютером – режется в стрелялки и прочие компьютерные игры...

В общем, я решила зря не терять время на размышления и поехала в Тарасов. Добралась до города за час с небольшим, правда, застряла в небольшой пробке в Кировском районе. К счастью, затор был небольшим, поэтому вскоре я припарковалась возле дома номер сто пятьдесят на улице Зарубова. Нашла нужный подъезд, набрала в домофон номер квартиры Фоминых.

Трубку взяли практически сразу, словно стояли в данный момент у порога. Я услышала тихий женский голос.

– Кто? – спросили меня.

– Здравствуйте, меня зовут Евгения Охотникова, я хотела бы поговорить с Кириллом Фоминым. Он ведь здесь проживает?

– Да, а по какому поводу вы хотите разговаривать с моим сыном? – насторожилась женщина.

– Я вожатая из лагеря «Лесной», – заявила я. – Кирилл отдыхал там, но с ним произошел неприятный случай, из-за чего мальчику пришлось вернуться... По этому поводу я бы и хотела побеседовать.

– Что ж, проходите, – голос Наталии Васильевны звучал жестко. – Мне и самой хотелось бы задать вам кое-какие вопросы.

Я поняла, что у матери Кирилла были претензии к лагерю, в частности – к его персоналу, но я надеялась, что женщина сможет рассказать мне, что произошло с ее сыном. Быть может, с ней мальчик был откровенен, не стал ничего скрывать? Я считала, что Кирилл рассказал не все медсестре и Марине с Региной, наверняка он о чем-то умолчал. Быть может, он кого-то боялся в лагере? Может, над ним издевались другие ребята из его отряда, и поэтому он и сбежал в лес? А потом сказал, что ничего не помнит и просто заблудился...

Я поднялась на четвертый этаж, где находилась квартира Фоминых. На пороге стояла худощавая женщина, на вид ей было около тридцати пяти – тридцати семи лет. Одетая она была в легкий летний сарафан с цветочным узором, волосы ее были убраны в пучок на затылке. Я сразу обратила внимание на длинные тонкие пальцы женщины – такие руки могли быть у человека, который играет на музыкальных инструментах, например, на фортепиано. Думаю, мать Кирилла как раз преподавала игру на клавишных инструментах.

– Простите, что отвлекаю вас от важных дел, – проговорила я, проходя в квартиру Фоминых. – Но мне очень нужно поговорить с Кириллом, он ведь дома?

– Дома. – Я поняла, что Наталия Васильевна с трудом сдерживает ярость. – После вашего проклятого лагеря мой сын вообще не выходит на улицу! Он замкнулся в себе, практически не разговаривает, ничем не интересуется! У него и так были проблемы с социализацией, а после этой поездки все стало только хуже! Уж я этого так не оставлю – подам на вас в суд за причинение морального вреда моему ребенку!

– Наталия Васильевна, успокойтесь, я приехала, чтобы помочь вам! – воскликнула я. – Я не знала, что все так серьезно, хотела просто поговорить с вашим сыном и узнать у него, что произошло на самом деле. Вожатым и медсестре он толком ничего не рассказал... Быть может, с вами Кирилл разговаривал о случившемся?

– Я из него каждое слово клещами вынимала, – проговорила женщина. – Думаю, вы в курсе, что там у вас произошло, вы же в лагере работаете! Только, как я вижу, за детьми толком никто не следит, они предоставлены там сами себе, и после вашего лагеря мне приходится сына по психотерапевтам таскать! Только все без толку, никаких улучшений в состоянии Кирилла нет...

– Подождите, давайте все по порядку, – прервала я Наталию Васильевну. – После возвращения в Тарасов Кирилл вам что-то ведь рассказал? Почему он ушел со стоянки, кто его подговорил уйти?

– По-моему, это вам надо знать – вы ведь вожатая в лагере, где вы были, когда Кирилл потерялся? Почему вы не следили за детьми? Что вообще за отношение такое? Я про ваш лагерь таких отзывов напишу – никто туда ездить больше не станет!

– Меня не было в тот день, когда пропал Кирилл, – спокойно пояснила я. – Я собираюсь устроиться вожатой в тот отряд, в котором был ваш сын, но мне не нравится, что в лагере происходят какие-то непонятные вещи. Думаю, проблема здесь не только в вожатых, а в чем-то еще. Но чтобы разобраться в этом, мне необходимо узнать, что произошло с Кириллом в тот день, когда он пошел в поход.

– Я не знала, что вы не работали в лагере, думала, что вы и есть та вожатая, которая отвечала за моего сына, – немного смягчилась Наталия Васильевна. – Но я бы вам не советовала устраиваться в это место – сомневаюсь, что этот новый лагерь долго продержится. Думаю, его закроют, и я этому буду только рада!

– Возможно, – не стала отрицать я. – И все-таки могу ли я поговорить с Кириллом?

– Если он станет с вами общаться – говорите, – пожала плечами женщина. – Но я не уверена, что у вас что-то получится. Сын сейчас ни с кем не хочет разговаривать, он замкнулся в себе, не идет на контакт.

Однако я уговорила Наталию Васильевну проводить меня в комнату сына.

Мальчик лежал на кровати, в руках у него был не телефон или планшет, как я ожидала, а обычная бумажная книга. Удивительно в наши дни – представить ребенка, который по доброй воле читает что-то не с экрана телефона или компьютера, действительно сложно.

Но Кирилл уткнулся в страницы толстого приключенческого романа Александра Дюма, на меня он не обратил ни малейшего внимания.

Наталия Васильевна оставила нас наедине, вышла из комнаты, притворив за собой дверь. Кирилл даже не посмотрел в ее сторону.

Я стояла, некоторое время наблюдала за мальчиком. Глядя на него, я поняла, что Кирилл не читает книгу – его глаза неподвижно смотрели в одну точку, не бегали по странице, мальчик не переворачивал листы книжки. Он был совершенно безучастен и находился в каком-то другом мире, далеком и от современного, и от того, что описывался в книге, что была у Кирилла в руках.

Я подошла ближе и окликнула мальчика по имени. Наконец он заметил меня – отложил книгу в сторону и посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

– Привет, – поздоровалась я. – Меня зовут Женя, можно с тобой поговорить?

Кирилл не ответил.

– Кирилл, ты меня слышишь? – спросила я.

Мальчик моргнул, потом заявил:

– Я не глухой, слышу, конечно. Я вас не знаю.

– Мне это известно, – улыбнулась я. – Мне о тебе рассказала Марина Звягинцева, помнишь ее? Она вожатая в отряде, в котором ты был, когда отдыхал в лагере «Лесной».

– Я не идиот, и с памятью у меня все в порядке, – буркнул Фомин. – Только не надо мне врать. Я знаю, что вы – еще одна психиатр, которую мать вызвала теперь уже на дом. Еще раз повторяю – я не псих и не сумасшедший, оставьте меня уже в покое! Надоели!

– Успокойся, я не врач и никакого отношения к психиатрии не имею, – проговорила я. – Сумасшедшим тебя не считаю, наоборот, мне очень нужна твоя помощь! Я пытаюсь разобраться, что происходит в лагере «Лесной». Твое исчезновение – не единственное странное происшествие, которое там случилось. Но что творится в лагере, мне непонятно, потому я и приехала к тебе домой.

– Вы – полицейская? – оживился Кирилл. – Seriously?

– Можно сказать и так, – не стала отрицать я. – Так что, поможешь мне?

– А пистолет покажете? – не унимался мальчишка. – Он у вас ведь с собой? Только почему вы не в форме? Это маскировка такая?

– Вроде того, – кивнула я. – Оружие у меня есть, только показывать никому не имею права, таковы порядки. Ты только маме своей не рассказывай, ладно? Я сказала, что являюсь вожатой в лагере «Лесной», иначе она бы испугалась, что к ней домой полиция пожаловала...

Моя тактика сработала – Кирилл увидел, что я разговариваю с ним как со взрослым, более того, я дала мальчику возможность «раскусить» меня, что дало Кириллу почувствовать собственную значимость и важность. К тому же я обратилась к нему за помощью, а это еще один способ разговорить человека. Дети, в том числе и подростки, любят, когда взрослые просят их о чем-то, поэтому я была уверена, что Кирилл расскажет мне все, что помнит.

– Так что с тобой случилось в тот день, когда вы пошли в поход? – спросила я снова. – Что ты помнишь?

– Ну мы пошли с вожатыми из другого отряда – Егором и Алексеем, – начал Кирилл. – Вообще, их надо называть по имени-отчеству, но Егора и Алексея все так и зовут – по имени. Из нашего отряда пошли еще Сашка и Арсений, ну еще девчонки – Аня и Оля. Они вечно хихикали о чем-то, и вообще, я думаю, они какие-то глупые слишком. Хотя им обоим столько же лет, сколько и мне, только разговоры у них тупые до невозможности. Они, похоже, только о туфлях и платьях говорить могут, больше ни о чем. Я сперва вообще не понял, зачем они в поход потащились – ну не для них такие развлечения, как они комаров-то переживут? А потом услышал, о чем они говорят. Оказывается, эти две дурочки решили с Егором и Лешей замутировать, вот и пошли в этот поход. Понятия не имею, как они собирались заинтересовать взрослых парней, с их-то куриными мозгами... В общем, ничего у них не вышло – так и шли вдвоем под ручку, хорошо, что не в туфлях на шпильках, они бы могли додуматься. Но Егор с Лешей на них внимания не обращали, точнее, смотрели за всеми, кто шел, но все ухищрения девчонок оказались напрасными. Мы шли достаточно долго и быстро, хотя останавливались часто, потому что с нами были дети из младших отрядов, и они уставали. Но, несмотря на это, мы добрались до конечной точки гораздо быстрее, чем нам говорили Леша с Егором вначале, поэтому так решили: сделать привал и перекусить. Мы все взяли с собой паек – нам выдали на завтрак. Леша с Егором стали показывать, как надо разводить костер, а Саша меня позвал посмотреть на речку. Там недалеко речка была, узкая очень, Саша, когда в кусты отходил, услышал шум и решил разведать. Мы отпросились у Егора с Лешей, они нам сказали возвращаться через десять минут, не задерживаться, иначе нас пойдут искать. Спросили, куда мы пойдём, мы сказали – к речке. Егор не хотел нас отпускать одних, мы уговаривали его, сказали, что сейчас

вернемся, просто глянем издали и все, а он нас не отпускал. С нами еще Арсений увязался. Потом Егора с Лешей кто-то отвлек, а мы сбежали втроем, так как водители слишком занудствовали. Саша показал нам речку, мы посмотрели и пошли назад. А потом мне показалось, что кто-то меня зовет. Я вроде сказал мальчишкам, что сейчас подойду, пошел на зов. Потом – как в тумане все, я пошел к реке, а реки там уже не было. Мне захотелось спать, я понимал, что надо вернуться, иначе мне такой нагоняй от Егора с Лешей будет, что мало не покажется. Но глаза закрывались, я сел под дерево и вроде как заснул. А потом, кажется, проснулся, но я не уверен. В лесу было очень темно, и какие-то люди в белых саванах, как призраки, ходили. Мне стало страшно, и я закрыл глаза, чтоб они исчезли. Очень боялся открывать глаза, чтоб их не увидеть снова, потому что, если б я на них еще раз посмотрел, они бы меня точно увидели! И забрали бы с собой! Еще они забрали Сашу с Арсением – я знал это, и мне было страшно, потому что Саша и Арсений теперь такие же, как и они, в белом. Наверно, меня и звали эти призраки, наверно, и Саша с Арсением их слышали и поэтому пропали. Я сидел с закрытыми глазами, а потом вдруг услышал голоса людей. Меня звали по имени, я понял, что это уже не призраки, а нормальные люди. Я открыл глаза, встал и побежал к ним навстречу. Я пытался рассказать им о призраках, но они меня не слышали, все повторяли, что у меня шок, и я, наверно, поэтому ничего не говорю. Но я же рассказывал им, понимаете? Видимо, они либо меня не слышали, либо посчитали, что я умом тронулся, хотя ничего такого со мной не было. Меня повели в лагерь, в медпункт, меня стала расспрашивать медсестра о том, что со мной случилось. Я понял, что, если стану ей о призраках рассказывать, она меня в дурдом отправит. Поэтому сказал, что не помню, что со мной произошло, как я в лесу один оказался. Но все равно все решили, что у меня не все дома, вот и отправили в Тарасов. Наверно, боялись, что я еще раз куда-нибудь уйду и забуду, что было... Мать как с цепи сорвалась – таскает меня по психологам и психиатрам, как будто я дурачок какой. Может, вы ей скажете, чтоб прекратила? Меня она не слушает и не слышит...

– Насколько мне известно, Наталия Васильевна считает, что ты замкнулся в себе и не хочешь ни с кем идти на контакт, – заметила я. – Почему ты с ней не разговариваешь?

– Да потому что это бесполезно! – воскликнул мальчик. – Мама думает, что со мной не все в порядке, потому что я не приглашаю домой толпы друзей, веду себя не так, как надо, и вообще, все я делаю не так, как должен! Но если мне не интересно общаться с другими людьми, почему я должен это делать? Мне нравится сидеть дома, я люблю читать книжки, а музыку терпеть не могу! Особенно пианино. Но она меня заставляет ходить в музыкалку, хотя меня тошнит от нот и вообще от всего! Я говорил и ей, и отцу, что мечтаю ходить на карате, но мать заявила, что я могу травмировать себе пальцы и не смогу играть. Честно говоря, я бы с великим удовольствием сломал бы себе несколько пальцев, а лучше – руку, чтобы она от меня отвязалась... Папа думает, что мама во всем права, он не пытается даже что-то сказать ей поперек, потому что она главная... А мои слова она воспринимает как капризы, ей наплевать на то, что я хочу делать, а что не хочу. Она считает меня маленьким, а мне вообще-то уже тринадцать лет! Если бы я рассказал матери про призраков, она бы точно меня в дурдом отправила! А отец вечно занят, он же повар, ему вообще не до меня.

– Скажи, ты раньше видел что-то подобное? – поинтересовалась я. – Призраков, про которых ты рассказываешь.

– Вы верите мне? – обрадовался Кирилл. – Я сразу понял, что вы нормальная, не то что мои родители... Нет, раньше я призраков не видел, они только в лесу были. Но в лагере и помимо них всякие странные вещи происходят. По-моему, там какая-то нечисть живет. Я не вру, честно! Я слышал, что по ночам там кто-то бродит и смеется. Но я не испугался, когда услышал, решил проверить, что там. Только когда я вышел из комнаты, они исчезли – как будто растворились в воздухе. Я сделал вид, что пошел в туалет, а сам все проверил, но никого не нашел. Наверно, они меня испугались... Или просто не хотели, чтобы я их увидел.

– Ты кому-нибудь рассказал про то, что слышал ночью? – спросила я.

Кирилл отрицательно покачал головой.

– Нет, мне бы никто не поверил. Я даже Сашке не рассказывал, хотя мы с ним подружились. Но Сашка бы точно сказал, что мне все приснилось, а я не хочу выглядеть ненормальным! В конце концов, на меня же они не напали – ну, эти привидения. Поэтому я подумал, что пусть лучше никто про них не знает.

– А в тот вечер, когда тебя нашли в лесу, ты видел Сашу и Арсения?

– Неа, меня сразу в медпункт повели, – сказал мальчик. – Мне кажется, их сперва призраки забрали с собой, а потом отпустили. Иначе вожатые бы рассказали, что потерялся не только я, а другие ребята из отряда тоже.

– А ты общался с Дашей Поляковой? – перевела я разговор на другую тему.

Кирилл пожал плечами.

– Так, не особо. Я с девчонками не дружу, они глупые. А Дашка еще и жадина!

– Почему ты так думаешь? – удивилась я.

– Да она кроила какая-то! – воскликнул мальчик. – Ни с кем никогда не делится, хотя ей родители с собой полно еды дали! И чипсы даже, которых ни у кого нет. Точнее, еда у нас из дома у всех была, но мы делились ею с другими ребятами. А Дашка спрятала свои шоколадки и чипсы, и потому, когда ни у кого ничего не осталось, ела втихую. Потому и отравилась – так ей и надо! Если бы она делилась с другими, то ей бы плохо не стало, а так – сама виновата!

– А что ела Даша, когда ей стало плохо? – спросила я.

– Да кто ее знает? – проговорил Кирилл. – Я не знаю, не общался с ней просто. Слышал, как девчонки из ее комнаты рассказывают, что Дашка – жадина и кроила, вот и все. Мне такие люди не нравятся, с ней и разговаривать не хочется. Вредная и противная! Она в столовой почти не ела, я видел, что она почти полные порции оставляет на тарелке. Марина, наша вожатая, переживала за нее – потому что Дашка не ест, спрашивала почему. А Полякова нос воротила и говорила, что невкусно и она такое есть не будет. Врала она все – еда была нормальная, никто, кроме Дашки, не жаловался!

– Кроме Даши, никто не травился? – уточнила я.

Кирилл отрицательно покачал головой.

– Нет, Полякова ж ни с кем своими запасами не делилась. Вот и получила по заслугам!

– А она призраков не видела?

– Не знаю, я не спрашивал... – растерялся мальчик. – Хотя Арсений говорил, что лагерь на самом деле проклят. Потому что на костях построен – он слышал, что Жанна Михайловна, повар в столовой, рассказывает своей напарнице Оле, что раньше тут было кладбище, а потом его снесли и сделали детский лагерь. Но по ночам мертвяки, которым не понравилось, что их могилы убрали, встают из своих гробов и ходят по лагерю, хотят забрать с собой живых. Я понял, что именно их и видел в лесу – наверно, они бы и меня забрали, если б меня не нашли. Хорошо, что меня в Тарасов отправили, больше я в этот лагерь ни за что не поеду!

– Эта Жанна Михайловна тоже видела призраков?

– Не знаю, мне ж Арсений рассказывал, что он слышал, – сказал Кирилл. – Может, и видела, но мне про это он ничего не говорил.

– А фамилию Жанны Михайловны знаешь?

– Нет...

Наш разговор прервала мать Кирилла – она вошла в комнату, вероятно, хотела проверить, как проходит наше общение.

Увидев Наталию Васильевну, мальчик сразу же замолчал и равнодушно покосился на меня. Я поняла, что он не хочет, чтобы мать слышала, о чем мы говорим.

– Вы побеседовали? – спросила женщина, внимательно посмотрев на сына. – Или Кирилл опять в молчанку играет? Он хоть что-нибудь вам сказал?

– Да, я узнала все, что хотела, – улыгнулась я и обратилась к мальчику: – Кирилл, спасибо тебе огромное! Ты мне очень помог!

– Надо же, – с недоверием покачала головой Наталья Васильевна. – Кирилл, а почему ты мне тогда ничего не рассказываешь? Притворяешься, что ли, что тебе плохо? Давай-ка, хватит валяться на кровати! Ты уже сколько времени музыкой не занимался, сейчас Евгения уйдет, и марш за инструмент!

– Но, мама, у меня же каникулы... – запротестовал несчастный ребенок. – Я не хочу...

– Хочу не хочу, а надо! – категорично заявила женщина. – Я прослежу за тобой, повторишь все произведения, которые мы проходили за год!

Я еще раз поблагодарила Кирилла и попрощалась с ним и его матерью. Вмешиваться в семейные разборки не стала – понятно, что мать попросту задавила парня своим авторитетом и навязывает ему свою волю, но тут уж ничего не поделаешь. Либо Кирилл сам рано или поздно взбунтуется, либо окончательно подчинится матери-тирану и будет делать то, что она требует, в ущерб своим собственным интересам.

Жалко парня, но пускай сами разбираются, в конце концов, лезть в чужую семью с нрауочениями – не моя работа, а прерогатива семейного психолога.

Покинув квартиру Фоминых, я села в машину и открыла базу данных на телефоне. Теперь надо бы проверить, как поживает Даша Полякова, отравившаяся в первые же дни своего пребывания в лагере.

Ей, как и Кириллу, было тринадцать лет, жила она на другом конце города – в Зареченском районе Тарасова. Даша училась в средней школе номер сорок три, находившейся рядом с ее домом, с шести лет занималась художественной гимнастикой. Старшая сестра Даши – Снежана – в этом году окончила школу и поступила в Тарасовский университет на факультет иностранных языков. Родители девочек – Поляковы Игорь Сергеевич и Зинаида Владимировна – работали экономистами.

Я узнала адрес Поляковых и направилась к ним в квартиру.

Я надеялась, что мне повезет, я застану Дашу дома. Судя по всему, последствия отравления уже должны были пройти, в больнице девочка вряд ли задержалась надолго. Хотя отравление, конечно, могло быть и тяжелым – кто знает, чем все закончилось...

Я прикинула, что родители Даши наверняка находятся на работе, но кто-то из дочерей мог находиться в квартире.

Нужный мне адрес я нашла быстро, благо сейчас существуют навигаторы, которые облегчают процесс ориентирования на местности.

Я позвонила в квартиру номер шестьдесят, дверь сразу открыли – даже не спросили, кто это. Поразительная беспечность, отметила я про себя. Впрочем, мне это только на руку – я поднялась на лифте на шестой этаж и вошла в открытую дверь.

– Ой, а вы к кому? – В дверях стояла худенькая девочка, которой на вид было не больше одиннадцати лет. Я поняла, что это, наверно, и есть Даша Полякова.

– Мне нужна Даша Полякова, – заявила я. – А ты почему не спрашиваешь, кто пришел? Вообще-то это опасно, мало ли кто мог зайти в дом!

– Да я подружку ждала, Олю, – пояснила девчужка. – А зачем вам я нужна? Я вас не знаю...

– Меня зовут Женя, я хочу с тобой поговорить по поводу твоего пребывания в лагере «Лесной», – пояснила я. – Тебе ведь пришлось оттуда уехать, не дожидаясь окончания смены, верно? Ты отравилась ведь?

– Ну да... – растерялась Даша. – Меня домой отправили поэтому...

– Можешь подробно рассказать, как это произошло? – спросила я. – Вспомни хорошенько, что ты ела, когда, от чего почувствовала себя плохо. Эта информация поможет сотруд-

никам лагеря в дальнейшем избежать подобных случаев, ведь если еда в столовой несвежая, отравиться могут и другие дети! Расскажешь?

– Да, но ничего такого особенного не было, – пожала плечами Даша. – Наверно, я за завтраком что-то не то съела. Может, каша была плохая...

– Да? – удивилась я. – А мне говорили, что ты не ела еду, которую вам давали. Что-то с собой привезла, верно?

– Нет, у меня ничего не было! – слишком быстро и слишком испуганно заговорила девочка. – Честно вам говорю! Да мне бы мама и не разрешила с собой что-либо брать, я же занимаюсь художественной гимнастикой! Поэтому и ем то, что позволено, иначе меня выгонят!

– Сурово там у вас, – заметила я. – И что, многое запрещают?

– Ой, да почти все! – воскликнула Даша. – Мне нельзя шоколад, булочки, чипсы, газировку, мороженое, пирожное... Короче, все вкусное запрещено. Бутерброды тоже нельзя, мне мама покупает хлебцы – их можно, только немного.

– А что же ты ешь? – удивилась я. – Чем питаешься?

– Ну, мне можно кашу на воде, овощи, в первой половине дня – фрукты. Еще рыбу и мясо на пару, ну и все...

– Не обидно? Что другим можно, а тебе нельзя?

– Еще как! – воскликнула Даша. – Вот, Снежанке, сестре старшей, вообще везет! Ей можно все что хочешь – она же не гимнастка, родители ее не заставляют ничего такого делать! Ешь, что душе угодно – она чипсы любит, шоколад трескает, хотя мама ее просила не есть, когда я дома – мне же тоже хочется! Но Снежанка, по-моему, нарочно дразнится. Когда мамы с папой нет дома, она берет и при мне шоколад уплетает. Мне убить ее хочется! Терпеть не могу сестру, хорошо, что ее сейчас нет! Она на море уехала – родители ей подарок сделали, путевку купили, потому что она в университет поступила. А меня в лагерь отправили... Так Снежана с собой кучу еды набрала – там и шоколадки, и чипсы, и булки, и пирожные! Представляете? А мне ничего не разрешили!

У меня возникла догадка. Я осторожно спросила:

– А тебе не захотелось проучить сестру? Если она столько еды набрала, может, ты по справедливости что-то взяла у нее?

Даша округлила глаза, замотала головой, но по ее глазам я поняла, что попала в точку.

– Нет, я у нее ничего не брала! Честно! Клянусь! – затараторила девочка.

Я дружелюбно улыбнулась и проговорила:

– Даша, я тебя не собираюсь ругать или рассказывать о твоём поступке твоим родителям или сестре. Пойми, мне очень нужно знать правду – отравилась ты едой в столовой или своей собственной. От этого зависит, будут ли работать в лагере повара – те, которые были во время твоего пребывания в смене, или же их уволят за то, что пострадал ребенок. Понимаешь?

Даша молчала. Было видно, что девочка колеблется – сказать правду или скрыть?

Я еще раз повторила, что никому ничего не расскажу, и ни одна живая душа не узнает, брала ли Даша в лагерь с собой еду.

– Ну... Мне показалось, что Снежане и так слишком много, – наконец призналась она. – Вы бы видели, сколько она всего с собой в рюкзак запихала! Еще и насмеялась надо мной – мне-то ничего из этого нельзя! Демонстративно открыла пачку чипсов и ела их, зная, что родители не против... Она всегда надо мной издевается! Обзывает малявкой из-за того, что у меня режим дня, и вечером мне нельзя поздно ложиться, как ей, смеется, что у меня нет столько подруг, как у нее, что я неудачница, и моя художественная гимнастика – ерунда полная... Когда я проиграла соревнования, мама меня сильно ругала, а Снежана говорила, что я бездарь. Поэтому я и решила отомстить сестре! Стащила у нее половину ее запасов и переложила к себе в рюкзак. Спрятала, чтоб никто ничего не увидел, хотя мама не стала повторно мои

вещи проверять – она же их сама сначала укладывала. А Снежанка бросила свой чемодан и в него не заглядывала. Я представляла, как она будет злиться, когда обнаружит, что у нее еды с собой нет. Если бы она стала маме жаловаться по телефону, я бы сказала, что это Снежана сама съела свои припасы и просто забыла. Она вообще ест, как слон, хотя по ней этого не видно. Хотела бы я, чтоб ее разнесло, тогда бы она не стала надо мной смеяться! А как назло, сестре на диетах не нужно сидеть, мама говорит, она в папу пошла, а я – в нее. Мама всю жизнь на диетах сидит, только ей ничего не помогает, меня из-за этого она и отдала в гимнастику, чтобы я была худая и всегда за весом следила. А я так не хочу, мне вообще плевать, толстая я или нет, хочу нормальную еду есть, как Снежана! Мне было очень обидно, поэтому я поехала в лагерь с этими чипсами и шоколадками. А они так аппетит отбивают, что вообще есть не хочется, тем более всякие полезные каши и супы, от которых меня тошнит. Только утром мне плохо стало – я, наверно, чипсами отравилась, потому что привкус от них стоял во рту. В столовой я ничего не ела! Даже сок, который нам раздавали, почти не пила – я про него забыла, у меня аж две коробочки в рюкзаке остались, я просто не люблю яблочный. Выпила в лагере только апельсиновый, он вкусный. Хотела яблочный оставить на потом, все равно пить захочется – выпью... Но меня в Тарасов отправили, и я эти соки в холодильник поставила, папа их выпил. Мама же против, чтобы я пакетированные соки пила, говорит, там полно пустых калорий... Надо было выпить, все равно мне ничего такого больше не достанется...

– То есть ты вообще не питалась в столовой? – уточнила я.

Даша отрицательно покачала головой.

– Нет, мне не хотелось. Я первые дни была так счастлива, что в кои-то веки могу поесть что-нибудь вкусное, что буквально объедалась чипсами и шоколадом. Специально рассчитала, чтобы мне на всю смену хватило – думала, буду понемногу есть, но остановиться было очень трудно. Хорошо еще, что в рюкзаке у меня еды не было, когда я в город вернулась – а то мама бы меня точно убила... А так – она и не знает, что я стащила у сестры «вредную» еду. Зато теперь мне приходится есть одни только бульоны, гадость редкостная, да эти проклятые каши, от которых меня тошнит. Но мама считает, что в столовой я все-таки неправильно питалась, потому и отравилась, хотя она сто раз узнавала меню в лагере, прежде чем меня туда отправить.

– А не знаешь, с сестрой все в порядке? – спросила я. – Наверняка она созванивается с тобой или родителями, не говорила ли Снежана про то, что чем-то отравилась?

– Нет, с сестрой как раз все замечательно, – с завистью вздохнула Даша. – Отдыхает себе на море, ест, что хочет, и не парится по поводу жизни... А мне тут сидеть, полезную гадость есть...

– А почему тебя не отправили в спортивный лагерь? – поинтересовалась я. – Ты же гимнастка, наверняка существуют лагеря для детей, которые занимаются художественной гимнастикой!

– Да, конечно, у нас в Тарасове их полно, – заметила Даша. – Только чтобы туда попасть бесплатно, надо выиграть в этом году в соревнованиях. А я ведь проиграла! Проигравших берут, но за деньги, а мама сказала, что это слишком дорого, они с отцом и так потратили кучу денег, чтобы отправить сестру на море. Поэтому мне выбрали не очень дорогой лагерь «Лесной», он ведь только открылся, и цены за путевку там не такие большие, как в других. Хотя я бы очень хотела на море поехать, как Снежана, но я море не заслужила – мне мама так сказала.

Слушая рассказ Даши, я подумала, что сегодня постоянно сталкиваюсь с неадекватным отношением к детям в семье. Кирилла против воли заставляют заниматься музыкой, хотя мальчишке это совсем не интересно, Дашу практически не кормят – неудивительно, что ребенок таскает еду у старшей сестры, которой разрешено практически все.

Просто поразительно, насколько родители умудряются искалечить психику своих детей, впуская хоть ввести в систему обязательного образования просветительские курсы для будущих

мам и пап. Хотя сомневаюсь, что это поможет, – каждый уверен в своей правоте и думает, что знает, как надо воспитывать детей.

Отбросив ненужные нравоучения, я задумалась.

Выходит, Даша отравилась едой, которую сама же и привезла в лагерь.

Я спросила девочку, не остались ли у нее обертки от шоколадок или чипсов, но, увы, Даша избавилась от всех улик, указывающих на ее причастность к исчезновению еды у старшей сестры. Если бы у меня была упаковка от чипсов, я бы первым делом посмотрела срок годности, а потом отправила бы фантик на экспертизу. К сожалению, Даша не смотрела на дату изготовления своих трофеев и даже не знала, в каком магазине Снежана покупала себе товары в дорогу.

– Кстати, а почему ты решила вытащить у сестры из рюкзака чипсы и шоколад? – поинтересовалась я. – Тебе родители наверняка дают карманные деньги, верно? Ты же могла и сама купить все, что захочешь?

– Не-а, мама бы узнала, – покачала головой Даша. – Один раз такое было. Я решила купить себе шоколад – молочный, который мне очень нравится, – пошла в магазин и там наткнулась на сестру. Она видела, что я покупаю шоколадку, и все маме рассказала. Я пыталась сказать, что это в подарок, но мама не поверила мне и сильно ругалась. С тех пор я боюсь, что опять так же попадусь – встречу в магазине сестру или вообще родителей. Каким-то образом все узнают, если я трачу деньги на запретные вещи, и мне потом сильно попадает.

– Да уж, у тебя прямо-таки концлагерь какой-то, – посочувствовала я.

Даша закивала, а потом довольно заявила:

– Но мы придумали с Олей, как можно есть пиццу. Оля тоже ходит со мной на художественную гимнастику, но ей родители не запрещают есть то, что она хочет. Я приглашаю Олю домой, мы вместе с ней едим пиццу, а если Снежанка или родители внезапно домой приходят, Оля говорит, что это она ела пиццу, и ей верят! А я делаю вид, что даже не хочу есть пиццу, просто Оля себе ее купила, потому что хочет есть, и спрашивать в гостях еду невежливо. Маме нравится Оля, поэтому она не возражает... Я и думала, что это Оля пришла, а оказалось – что вы...

– Ты не замечала что-нибудь странное в лагере? – задала я новый вопрос.

Даша удивленно посмотрела на меня.

– Странное? – переспросила она. – Например?

– Ну, шаги по ночам, что-то в этом роде, – пояснила я. – Кирилл, мальчик из твоего отряда, говорил, что что-то подобное слышал.

– Я ночью сплю очень крепко! – заявила Даша. – И не встаю в туалет даже, только утром. Поэтому я ничего не слышала... А что, там кто-то ходил ночью? Может, это вожатая проверяла, все ли спят?

– Не знаю, Кирилл утверждает, что видел призраков, – заметила я.

Даша скривила нос.

– Вот придурок! – воскликнула она. – Призраков не существует, это все знают! А если он в такое верит, значит, сам псих ненормальный! Вот Оля тоже говорит, что никаких привидений не бывает, это люди просто придумали, чтобы детей пугать! Но ведь мы с Олей уже взрослые, поэтому знаем, что их не бывает! Интересно, куда Оля запропастилась, она же обещала прийти...

Словно в подтверждение слов Даши раздался звонок в домофон. На этот раз девочка предусмотрительно спросила, кто это.

Я услышала звонкий детский голос – пришла подруга Даши. Я узнала все, что хотела, поэтому больше в квартире Поляковых мне было нечего делать.

Глава 3

Вечером я заехала за своим удостоверением, которое было готово к восьми часам, как мы с Костей и договаривались.

Теперь у меня имелся и диплом о высшем педагогическом образовании, и удостоверение журналиста, которые должны помочь в устройстве на работу в лагерь. Я почти не сомневалась, что директор «Лесного» не упустит возможность получить хвалебными отзывами о месте детского отдыха. Ведь число недовольных лагерем возрастало, два ребенка уже отправлены в Тарасов до окончания смены. Я не удивлюсь, если в скором времени снова что-нибудь случится и домой поедет еще кто-то из детей.

Но что происходит в лагере? Пока у меня имеются лишь разрозненные упоминания о каких-то призраках и прочей потусторонней бредятине.

Если я взялась за это дело, то мне необходимо вывести призраков на чистую воду и понять, кто скрывается за всем этим и зачем преступнику понадобилось пугать детей и вожатых.

Неприятности происходили с детьми из отряда Марины, а значит, кто-то из детей что-то знает или что-то видел. Вот и пытаются преступники запугать подростков. А Марина с Региной просто «провинились» в том, что являются вожатыми злополучного отряда.

Мне нужно узнать имена и фамилии всех детей, за которыми присматривают в «Лесном» Регина с Мариной. Вот только как это сделать? Видимо, сведения удастся получить лишь завтра, когда я устроюсь на работу вожатой.

Но оставаться в Тарасове я не стала. Решила приступить к действиям как можно раньше, не дожидаясь официального трудоустройства в лагерь «Лесной».

Поэтому, получив фальшивые документы, я сразу поехала обратно в лагерь. Я уже ознакомилась со списком вещей, который прислал мне директор – пробежала глазами, что требуется взять с собой на смену.

В перечне значилась разнообразная одежда, начиная от теплых вещей и заканчивая легкими шортами и юбками на жаркую погоду, головные уборы от солнца, подходящая обувь, аптечка, дождевик... Я могла бы и не читать дальше, так как мои представления о необходимых вещах в любой поездке значительно разнятся от тех, что предлагаются в различных перечнях и требованиях. Для меня самое нужное – это набор отмычек, «жучки», огнестрельное оружие, с которым я никогда не расстаюсь и которое умею мастерски маскировать, аптечка с препаратами первой помощи, а также мой мобильный телефон с встроенными программами, которые я использую для расследований. Единственное, что я приобрела в поездку – так это новую сим-карту оператора, который, по моим сведениям, должен ловить даже в такой глуши, как лагерь «Лесной». Теплые вещи мне были не нужны, на дворе лето, а значит, я могу и днем и ночью ходить в той одежде, которая была сейчас на мне. Я отношусь к тем редким людям, что спокойно переносят абсолютно любые капризы погоды – не испытываю дискомфорта из-за сильного холода или жары, не обращаю внимания на дождь, град или снегопады. В общем, в моем случае у природы нет плохой погоды, главное – преступника поймать. Естественно, в магазины или домой за вещами я заезжать не стала, поехала прямо в лагерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.